

Роль торговых санкций в формировании Ганзейского союза во второй половине XIV века*

М. Б. Бессуднова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, Россия
E-mail: magistrmb@gmail.com

Аннотация. На протяжении нескольких сотен лет Ганзейский союз – торговое, а затем и политическое объединение германских (преимущественно северных) городов – играл значимую роль в экономической и политической жизни Балтийского региона. Защищая свои интересы, он не боялся вступать в конфликты с соседями и в этой борьбе использовал различные методы, среди которых выделяются торговая блокада и санкции, которые по решению ганзейских собраний (ганзетагов) налагались на конкурентов и противников. В статье рассматривается один из первых и наиболее важных эпизодов торговой войны, которую вместе с обычной войной вел Ганзейский союз против датского короля Вальдемара IV Аттердага. На примере этого конфликта автор показывает механизмы установления торговой блокады и введения санкций, а также то, как эти явления способствовали сплочению Ганзейского союза.

Ключевые слова: Ганзейский союз, XIV-й век, торговые санкции, Дания, Вальдемар Аттердаг, Кёльнская конфедерация

Copyright: © 2020 Бессуднова, М. Б. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00183.

The Role of Trading Sanctions in the Creation of the Hanseatic League in the Second Half of the Fourteenth Century

M. B. Bessudnova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Grand St. Petersburg st. 41, Velikii Novgorod, 173003, Russia
E-mail: magistrmb@gmail.com

Abstract. For several hundred years, the Hanseatic League, a trade and political association of (mainly northern) Germanic cities, played a significant role in the economic and political life of the Baltic region. Protecting its interests, the Hanseatic League was not afraid to enter into conflict with its neighbors. To this end, the League used various methods, including trade blockades and sanctions that the Hanseatic assembly (Hanzetag) imposed on competitors and opponents. In this article, the author considers one of the first and most important cases of the Hanseatic League's trade war against Danish King Waldemar IV Atterdag. This example offers a window into the League's methods for establishing trade blockades and imposing sanctions. In addition, the author demonstrates how this policy contributed to the cohesion of the Hanseatic League.

Keywords: The Hanseatic League, fourteenth century, trading sanctions, Denmark, Valdemar Atterdag, the Cologne confederation

Прошло пять лет с момента введения экономических санкций в отношении Российской Федерации по инициативе США и Евросоюза в ответ на присоединение к ней Крыма и трагических событий на востоке Украины. Их механизмы и целесообразность, степень эффективности российских ответных действий, характер воздействия на российскую и мировую экономику дискутируются по сей день, что делает уместным ссылки на исторические прецеденты, причем не только в качестве риторических конструкций, оттеняющих то или иное постулируемое положение, но и концептуально значимых аргументов. В нововременной и современной истории можно найти довольно прецедентов использования экономических санкций в международных конфликтах, однако пример разработанной, последовательной, сбалансированной политики такого профиля предоставляет, прежде всего, история Ганзейского торгового союза.

Ганза, объединявшая нижненемецкие, прусские, ливонские города, и возникшая на ее основе уникальная «мир-экономика» представляли собой важнейший элемент западноевропейской экономики эпохи Средневековья и раннего Нового времени, феноменальный по

своей природе;¹ с ним в настоящее время принято связывать первые достижения европейской глобализации, предвалявшие создание объединенной Европы (Hammel-Kiesow 2007). Исследование этого феномена в европейской и российской историографии имеет давнюю традицию, которая продолжается и в настоящий момент.² Современные исследования Ганзы разнообразны в плане тематическом и охватывают ганзейские правовые и организационные основы, формы интеграции и социализации, порядок товарообмена и механизмы получения прибылей на общеганзейском и региональном уровнях, стадийность развития, коммуникации, просопографию и социальные связи, разновидности сотрудничества и торговой кооперации, конкурентную борьбу, конфликты, языковые и культурно-бытовые контакты и т.п.

Проблема санкций как инструмента торговой политики Ганзы включена в общий контекст ганзейской проблематики, но специального освещения в научной литературе пока не имеет. Недавно вышла статья А. Селарта, посвященная эмбарго на ввоз ганзейцами оружия на Русь (Selart 2016), это лишь одна из множества тематических привязок проблемы. Другая, чаще всего встречающаяся в исторической литературе, касается начальной стадии оформления Ганзейского союза, пришедшейся на XIV век. Его ядро образовали города Северной Германии, быстро развивавшиеся вследствие включения Балтийского региона в сферу торговой активности городов Западной и Центральной Европы. Внедрение нижненемецкого торгового капитала в западноевропейскую и балтийскую торговлю было сродни экспансии, поскольку на тот момент обе эти сферы уже были довольно плотно освоены купцами из Фландрии, Дании, с острова Готланд. Это потребовало от нижненемецких городов концентрации усилий по решению двух взаимосвязанных задач: обретения оптимальных условий для своего предпринимательства в указанных регионах и вытеснения оттуда конкурентов (Hammel-Kiesow 2007, 21–67). Во второй половине XIII века магистраты нижненемецких городов переняли у государей

¹ Зона ганзейского присутствия простиралась от Зейдерзее на западе до Эстонии и Ливонии на востоке, от острова Готланд на севере до Эрфурта и Кракова на юге. С XIV века ганзейская торговля распространилась на запад Франции, Португалию, Испанию, а с конца XVI столетия – и на Исландию и Москву. Точное число ганзейских городов установить сложно: в перечне 1469 года присутствует 72 их наименования, в то время как современные исследователи говорят о 180–200. Конторы Ганзы, опорные базы ее купцов за пределами Священной Римской империи, располагались в Великом Новгороде, в норвежском Бергене, в Брюгге и Лондоне; они фланкировали основную ось ганзейского торгового транзита как морского, так и сухопутного, с выходом в Зундские проливы и с центром в Любеке, который с XIV века неизменно выступал в качестве главы (*Haupt*) Немецкой Ганзы.

² Историографический очерк см.: Jahnke 2017, 231–233. Каждый выпуск ежегодника «Ганзейские исторические записки» (*Hansische Geschichtsblätter* на протяжении более ста лет выпускаемого европейским Ганзейским сообществом (*Hansisches Verein*), содержит пространные библиографические обзоры мировых исследований по истории Ганзы.

функцию защиты купцов, торговавших за пределами империи. При этом Любек, оказавшийся в центре балтийских торговых коммуникаций, выступил с инициативой создания «объединения купцов Римской империи» (*universitas mercatorum Romani imperii*) в целях организации и поддержания единого правового пространства для обеспечения интересов немецких «гостей» (Friedland 1991, 108–124).

Интеграционные процессы, содействовавшие формированию Ганзы городов, в настоящее время неплохо изучены, особенно те, которые связаны с деятельностью ганзейских представительских собраний (ганзетагов), а также разнообразных внутриганзейских торговых, политических и профессионально-семейных сообществ (Jahnke 2013). Однако любая интеграция предполагает наличие обратного, дезинтеграционного, вектора, и потому Ганзейскому сообществу уже в ходе формирования пришлось вырабатывать формы взаимодействия с теми субъектами североморско-балтийской торговли, которые пребывали за пределами его рамок и не принимали его правил. В этой связи уместно будет заметить, что сам термин «Немецкая Ганза» (*dudesche hense*) стал использоваться для обозначения объединения нижненемецких торговых городов с 1358 года в условиях их борьбы за фламандский рынок (Behrman 2001, 118–123), а значит, в его появлении можно усматривать результат не только интеграции, но и в известной степени дезинтеграции. Следует отметить также, что в борьбе за право создать свою торговую контору во Фландрии Ганза городов впервые опробовала эмбарго, действовавшее в отношении торговли с фламандскими городами в 1358–1360 годах (Hammel-Kiesow 2007, 64–67).

Вместе с тем практика торговых запретов в балтийской торговле не являлась ганзейским изобретением, поскольку использовалась балтийскими (вендскими) городами Германии в отношении Великого Новгорода еще в 1180-е годы (Хорошкевич 1996) и в 1268–1269 годах (Хорошкевич 1965), а также против Норвегии в 1284–1285 годах (Hanserecense 1870, № 30, 34). Во всех случаях она была нацелена на оптимизацию условий переговоров и заключение торговых договоров «на немецкой воле» в обход конкурентов. В случае с Новгородом таковыми являлись купцы с Готланда, имевшие в городе свое подворье – двор св. Олафа – еще до появления немцев. Прецеденты XII–XIII веков сопровождалась полным прекращением внешнеторговых связей, тогда как в 1358–1360 годах в отношении Фландрии, которая на тот момент была одним из важнейших центров европейской континентальной торговли, ганзейцы действовали более гибко. В частности, речь шла не о полном запрете торговли, а лишь об ее ограничении; при этом в качестве основного средства, эффективно действовавшего в условиях взаимной конкуренции фламандских городов, выступал выбор места для ганзейского «стапеля» (базы) в этой стране (Роеск 2000, 33–53). Итогом маневра стало учреждение ганзейской конторы в Брюгге.

События 1358–1360 годов, связанные с использованием Ганзой санкций против Фландрии, можно считать первым шагом в апробировании этого метода ганзейским сообществом, убедившимся по ходу дела в его большой эффективности. Дальнейшая разработка «тактики барьеров» и ее превращение в системный элемент ганзейской торговой политики случились несколько позже, в 1367–1371 годах, в условиях противостояния Ганзы экспансионистской политике датского короля Вальдемара IV Аттердага (1320–1375 гг.) и его союзника – короля Норвегии Хакона. В отличие от событий, сопровождавших внедрение ганзейцев в устоявшуюся систему нидерландских внешнеторговых связей, конфликт Ганзы с Данией имел не столько экономический, сколько мощный геополитический подтекст. Стремление Вальдемара IV контролировать основные ганзейские коммуникации на суше и на море, как и завоевание им в 1361 году Готланда, предопределялось его стратегией превращения Балтийского моря в «датское озеро», окруженное владениями Короны.³

19 ноября 1367 года на съезде представителей городов в Кёльне было принято решение о создании военного союза – Кёльнской конфедерации – против Дании (Hanserecesse 1870, № 413, 373–376). Оно действовало с 20 февраля 1368 года по 29 сентября 1371 года и распространялось на вендские города во главе с Любеком, а также на их торговых партнеров в Нидерландах, Шлезвиге, Голштинии, Дитмаршене, Пруссии и Ливонии. Для покрытия военных расходов вводилась экстраординарная фунтовая пошлина с товаров и торговых кораблей (Бессуднова 2019). Одновременно собрание утвердило запрет на торговлю с Данией и прочими «врагами морских городов», что было зафиксировано в рецессах (протокольных записях) собрания (Hanserecesse 1870, № 413, 373–376). Тем самым был дан старт действию ганзейских санкций. Этот прецедент неплохо освещен в ганзейской деловой и сопроводительной документации, в рецессах ганзетагов, что позволяет рассматривать ганзейские торговые запреты как вполне сложившуюся практику, сохранявшуюся в основе своей на протяжении всего существования средневековой Ганзы.

Порядок введения санкций строго соответствовал ганзейским правовым нормам. Каждый город – член Союза сначала формулировал свою волю, которую выносил на общее собрание (ганзетаг) для выработки единого решения (Pitz 2001, 408–417). Инициатива введения санкций против Дании также исходила с мест. 11 июля 1367 года в Эльбинге (Эльблонг) состоялось совещание представителей прусских и ряда нидерландских городов по поводу заключения союза против Дании. Ввиду препятствий, которые чинились по приказу датского короля их гражданам в плаваниях по Балтийскому морю, в частности

³ Подробнее о ганзейско-датском конфликте 1367–1370 годов см.: Daenell 1894; Dollinger 2012, 83–90; Stoob 1995, 180–184; Fritze 1997, 81–92; Harreld 2018, 69–74.

через пролив Зунд, собравшиеся постановили, чтобы «никто никаких товаров им [королям Дании и Норвегии], их людям и землям не посылал и не доставлял, а также их товары не хранил бы и не покупал с тем, чтобы они не имели доступа ни в одной нашей земле, городе, месте или гавани, но вновь и вновь уезжали бы без осуществления торговли». ⁴ Судовладельцам и шкиперам строжайше, под страхом лишения лицензии, запрещалось совершать плавания во вражеские пределы, особенно доставлять туда вооружение и продовольствие (Hanserecesse 1870, № 403, 363), из чего ясно следует, что в данном случае основным поводом к введению санкций была надвигавшаяся война.

В нашем распоряжении есть также протокол собрания в Штральзунде представителей вендских городов: Любека, Ростока, Грайфсвальда, Колберга, Киля и Анклама – от 29 июля того же года, на котором присутствовал посланец датского короля, епископ Генрих фон Ротшильд. ⁵ Его участники были настроены менее радикально, чем их прусские и нидерландские коллеги, и надеялись на урегулирование конфликта посредством переговоров с Вальдемаром. Поэтому санкции против Дании, по их мнению, должны были сводиться к запрету плавать во владения датского короля (Hanserecesse 1870, № 403, § 2) и к указанию купцам под страхом «лишения чести» (*sub privacione honoris*) вернуть домой товары, ранее туда доставленные (Hanserecesse 1870, № 403, § 3), или распродать их до Рождества [25 декабря], если речь не идет о вооружениях, стали, железе, соли, хмеле и бочках с пивом (*lagene*). ⁶ Ганзейские санкции представлены здесь в формате программы-минимум, не предполагавшей полного прекращения торговли между конфликтующими сторонами, неизбежного в условиях войны, о чем говорилось на совещании представителей прусских и нидерландских городов в Эльбинге.

Принцип свободного членства городов в Ганзейском союзе выражался в свободе волеизъявления каждого из них, но недостаточность источников не позволяет осветить отношение к санкциям против Дании и Норвегии всех городских общин по отдельности. Позиции, зафиксированные в итоговых документах ганзейских совещаний в Эльбинге и Штральзунде, отражают результаты согласования решений на региональном уровне. И хотя мы лишены возможности исследовать начальную (внутригородскую) стадию

⁴ «...alzo das nim andenich gut en und yrenluten und landens ende noch zeuwure, und oucliyr gut nimand hole nochkoufe, absy is in keine runser lande, stete oder haven brechten, sunder das sy is mögen weder weg vurenunghе halden» (Hanserecesse 1870, № 403, 362).

⁵ Верительная грамота епископа сохранилась в ганзейской корреспонденции (Hanserecesse 1870, № 404).

⁶ Hanserecesse 1870, № 403, § 4. Термин *lagene* (бутыли, амфоры) переведен по аналогии с указаниями ганзейского документа от 30.05.1367 (Hanserecesse 1870, № 400, § 5), где среди запрещенных товаров упоминаются именно бочки с пивом (*vasabraxatoria*).

рассмотрения вопроса по санкциям, следующая (региональная) стадия определенно демонстрирует вариативность подходов. Потребность в координации действий требовала созыва ганзетага, что было заявлено на совещаниях в Эльбинге и Штральзунде. В этой связи уместно отметить довольно невыразительную роль Любека, который уже со второй половины XIII века постулировал себя в качестве главы Союза и, следуя букве договора 1264 года, претендовал на роль защитника всех немецких купцов, участвовавших в балтийской торговле (Jahnke 2017, 235). В протоколе совещания в Штральзунде, где принимали участие представители Любека, его мнение по поводу санкций отдельно не оговаривалось, как и исходящие от него директивы, что позволяет видеть в нем лишь одного из субъектов их утверждения, равнозначного всем прочим. Существует мнение, что указанная ситуация отражала соперничество Любека с Кёльном, также претендовавшим на роль лидера Ганзы городов (Henn 2000).

Окончательное решение вопроса о санкциях, как сказано выше, состоялось на ганзетаге в Кёльне «на св. Мартина» [11 ноября] 1367 года. Выбор был сделан в пользу радикального – эльблингского – варианта, предполагавшего объявление Дании войны. По мнению немецкого историка Э. Питца, специалиста по средневековому немецкому праву, принятие решения ганзетагом основывалось не на сумме голосов, но на доверии к экспертам, уполномоченным отдельными магистратами. Они формулировали заключение, выражавшее общую волю городов и фиксировавшееся в рецессах (Pitz 2001, 412). Рецесс Кёльнского ганзетага 1367 года не сохранился, но его содержание воспроизводят записи любекского секретаря: «Никто не должен отправляться в земли обоих королей по торговым делам, чтобы тем самым не усиливать вышеназванных королей, их земли и людей, и не доставлять туда ни вооружения, ни продовольствия. А буде кто это совершит, его следует лишить прав, которыми пользуются все члены этого союза».⁷ Строгий контроль устанавливался над судовладельцами, шкиперами и прочими мореходами из городов Кёльнской конфедерации. Им запрещалось совершать плавания во вражеские пределы, а за нарушение запрета «они лишались прав во всех городах и гаванях этого союза на вечные времена».⁸

Ответственность за исполнение постановлений возлагалась на города, и в случае недобросовестности «их гражданам и купцам нельзя было вести никаких дел со всеми городами, которые состоят в союзе,

⁷ «*Vortmer schal nenman zoken der twye rkonighe land mid kopenschat, de koninghe voeschreven, ere land unde lude mede thu sterkende, noch harnesch, noch spyze thüvrenn. Were dat genich man dat dede, de scholde unvelich wezen alle der ghener de in dessem verbünde zyn*» (Hanserecense 1870, № 403, 374).

⁸ «*...de scholden unvelich wezen in allen steden unde havenen van dessem verbünde thü eweghen tyden*» (Hanserecense 1870, № 403, 374).

так чтобы никто у них ничего не покупал и ничего им не продавал и чтобы они не имели права ни ездить туда-сюда, ни прибывать, ни грузиться, ни разгружаться в течение десяти лет».⁹ Несоблюдение условий торговой блокады ганзейцами каралось «лишением прав», т.е. права пользоваться торговыми привилегиями, утвержденными в 1366 году в пределах всего ганзейского пространства – «вендской стороны, Пруссии, Ливонии и всей Немецкой Ганзы, и у Зейдерзее, и Голландии, и Зеландии» (Hanserecesse 1870, № 403, 374).

Принцип персональной ответственности, в соответствии со средневековой пенитенциарной практикой, сочетается тут с ответственностью коллективной, при этом субъект, совершивший проступок, карается строже, чем городская община, поскольку теряет привилегии «на вечные времена», тогда как город – только на десять лет. В этом следует видеть проявление пресловутой «индивидуализации» международной торговли в XIII– начале XIV века (Hammel-Kiesow 2007, 51–53). Что же касается наказания в форме отстранения от права пользования привилегиями, то оно служит еще одним доказательством того, что основу системы ганзейского предпринимательства, обеспечившего экономический подъем Ганзы городов в XIV–XV веках, составляли приобретенные и тщательно оберегаемые торговые привилегии (Puhle 2006).

Рецесс ганзетага сам по себе не обладал юридической силой, но, будучи составленным на основе официальной записи и свидетельств делегатов, он выражал собой общественное доверие. Решения ганзетагов затем выносились на обсуждение городских общин, участвовавших в его работе, и лишь потом включались в корпус городского права – разумеется, при условии одобрения (Pitz 2001, 408–417). Как восприняли постановление о санкциях во всех городах Кёльнской конфедерации, сказать сложно, поскольку здесь мы снова переходим на локальный уровень, относительно слабо обеспеченный источниками.

Вместе с тем отдельные аспекты этой проблемы все же подлежат выявлению. 8 декабря 1367 года делегаты вендских городов, вернувшиеся из Кёльна, собрались в Любеке и предписали всем вендским городам сообщить о своей позиции в Росток до 1 января 1368 года (Hanserecesse 1870, № 420, § 19, 381). В этот день их посланцы прибыли туда, чтобы определить квоты долевого участия городов в морской войне против Дании, попутно коснувшись вопроса о санкциях. Скупые строки протокола помогают понять позицию отдельных городских общин и вендского сообщества в целом. Так, например, в нем

⁹ «...ere borghere unde koplude schollen nene menscop hebben mid alle den steden, de in dessem verbünde zind, also dat men en nicht afkopen noch ver kopen schal, dat ze ok nene havene zoken schollen ut edder in thu varende unde thu komende noch thu ladende, noch thu untladende binnen teyn jaren» (Hanserecesse 1870, № 403, 374).

отмечено желание всех купцов направлять корабли во Фландрию, чтобы оттуда следовать в норвежский Берген для вывоза товаров проживавших там немецких купцов (Hanserecesse 1870, № 421, § 14, 382). Ростокцы просили разрешения послать два малых судна купцам в Тёнсберг и Осло (Hanserecesse 1870, № 421, § 15, 382). Гражданам Штральзунда и Графсвальда позволили вести дела с жителями Анклама в Мекленбурге, на границе с датскими владениями, «в уплату задолженностей, которыми связаны некоторые граждане».¹⁰ Господам из Любека и Висмара было поручено убедить англичан и фламандцев (видимо, их деловых партнеров) избегать посещений Норвегии и Дании и не отправлять туда вооружение, продовольствие и прочие товары (Hanserecesse 1870, № 421, § 15, 382). В документе также содержится предписание магистратам указать своим гражданам экспортировать в родные города из Дании и Сконии товары, завезенные туда осенью, с оговоркой, что «если собственный город этого не укажет, тогда пусть эти товары они [купцы] доставят для нужд любого из указанных городов»¹¹. Последняя реплика косвенным образом допускает неприсоединение какого-либо из городов Союза к торговой блокаде.

В январе 1368 года союз с Кёльнской конфедерацией заключили король Швеции Альберт, герцоги Альберт, Генрих и Магнус Мекленбургские, а также графы Голштинские – Генрих и Клаус (Hanserecesse 1870, № 424, 385; № 427, § 1, 386). Попытки расширить круг государей, солидарных с ганзейскими городами, в целом характерны для ганзейских эмбарго. 2 февраля было принято обращение ганзейских городов к польскому королю Казимиру III, английскому королю Эдуарду IV, светским и духовным князьям Империи с просьбой не поддерживать Вальдемара Датского, а помочь членам Кёльнской конфедерации восстановить справедливость (Hanserecesse 1870, № 431). 12 марта послания с жалобами на ущемление ганзейской торговли со стороны датского короля были направлены также папе Урбану V (Hanserecesse 1870, № 432) и императору Карлу IV Люксембургскому (Hanserecesse 1870, № 433).

Еще один срез проблемы ганзейских санкций касается **механизма их осуществления** в условиях войны Ганзы с Норвегией и Данией (одной из первых торговых войн), которая началась 16 апреля 1468 года и закончилась подписанием мира в Штральзунде 22 марта 1370 года. Основные мероприятия по торговой блокаде владений датского и норвежского королей осуществлялись и курировались ганзейскими городами – членами Кёльнской конфедерации во главе с вендскими городами и Любеком. Внутри этого сообщества наблюдается

¹⁰ «...*pro solutione debitorum, in quibus tenentur aliquibus civitatibus*» (Hanserecesse 1870, № 421, § 18, 382).

¹¹ «...*propria civitas hoc non judicaverit, tunctalia bona cedentibus omnium dictarum civitatum*» (Hanserecesse 1870, № 421, § 17, 382).

стремление к кооперации, что, в частности, нашло отражение в созывах совещаний по вопросам мобилизации сил и средств для ведения войны.¹² Места их проведения и состав участников менялись, но при этом неизменным оставался принцип равноправного представительства, характерный для ганзетага. С другой стороны, их постановления, в отличие от решений ганзетагов, считались обязательными для исполнения членами Конфедерации – утверждение городом кёльнских соглашений считалось достаточным основанием для этого. Другое дело, что сроки их ратификации городами оставляли желать лучшего: если вендские города и присоединившиеся к ним Рига и Дерпт (Тарту) произвели ратификацию 24 июня 1368 года (Hanserecesse 1870, № 473), то Штеттин (Штецин), Кольберг и Штаргард в Пруссии сделали это одними из последних – лишь 6 октября (Hanserecesse 1870, № 483).

В ходе войны с Данией проявилась тенденция к расширению состава Кёльнской конфедерации путем присоединения других городов, причем не только из зоны ведения боевых действий. 23 января 1368 года на собрании в Висмаре, одном из первых форумов Конфедерации, его участники обратились к властям Люнебурга с предложением переговорить с консулами Брауншвейга и Ганновера насчет «присоединения каждого к нашему кёльнскому содружеству» (*inreditu nostro de Colonia personaliter contractando*) (Hanserecesse 1870, № 426, 386). На собрании в Любеке 2 февраля 1368 года итоговое решение поддержали присутствовавшие там граждане Висби, а также «восточных городов» (*civitatenses orientales*) – из Восточной Прибалтики (Hanserecesse 1870, № 428).

С начала 1368 года члены Кёльнской конфедерации поставили себе целью вовлечь в нее Гамбург и Бремен, которые играли ключевую роль в связях вендских городов с Фландрией и конторой в Брюгге (Hanserecesse 1870, № 434), поскольку через эти города проходила одна из основных сухопутных торговых магистралей Ганзы – фламандская дорога (*flamischweg*). Гамбург, однако, долго не изъявлял согласия, из-за чего на собрании Конфедерации в Гревесмюллене 27 февраля 1368 года был поставлен вопрос об его исключении из Ганзы: «Если гамбургцы не захотят признать результаты и прочие принятые в Кёльне решения, этих гамбургцев следует вывести за пределы Ганзы, т.е. сообщества купцов».¹³

¹² 1368 год: Любек – 1 января; Висмар – 23 января; Любек – 2 февраля; Гамбург – 9 февраля; Гревесмюллен – 27 февраля; Росток – 15 марта; Висмар – 23 марта; Любек – 24 июня; Росток – 30 июля; Висмар – 10 августа; Штральзунд – 6 октября; Росток – 8 ноября. 1369 год: Любек – 11 марта; Деммин – 8 апреля; Волгаст – 3 мая; Любек – 13 июля; Штральзунд – 21 октября. Штральзунд – 30 ноября 1370 года.

¹³ «*Quia ipsi Hamburgenses nolunt civitates juvare sequela et alii in Colonia conceptis, utrum ipsi Hamburgenses debeant fore extra hensam sive communitatem mercatorum*» (Hanserecesse 1870, № 436, § 5).

В отношении жителей маленького городка Варне давление оказалось еще более сильным. Висмарцы должны были довести до сведения его магистрата, что «от того, захотят ли они повиноваться, зависит, будут ли они [члены конфедерации] с ними торговать или же отстранят от покупки и продажи [товаров]»¹⁴ Неприсоединение к конфедерации, таким образом, ставило ганзейский город в один ряд с теми, против кого блокада была направлена.

Необходимость расширять ряды Кёльнской конфедерации диктовалась, в первую очередь, стремлением увеличить ее мобилизационные возможности путем привлечения военных и финансовых ресурсов городов, изначально не являвшихся ее членами, а также повысить эффективность эмбарго в отношении вражеских государств. На собрании в Гревесмюлене, где решалась судьба Гамбурга и Варне, не случайно обсуждались также меры в отношении штрейкбрехеров: «Если кто-либо вопреки постановлению городов посетит пределы Датского короля или вражеские пределы и, если их схватят и пленят, то кто-бы их ни схватил, пусть воспринимает их как врагов»,¹⁵ не подлежащих суду и обреченных казни; захваченные корабли при этом поступали в распоряжение городов (Hanserecesse 1870, № 436, § 11).

В городах со «стапельным правом» – местах легального, упорядоченного товарообмена – купцам выдавали особое разрешение на вывоз товаров (*breve edder orlof*). После взятия ганзейским флотом Копенгагена там, в соответствии с постановлением собрания 1368 года, этим занимался комитет представителей городов, который вручал купцам удостоверения для предъявления в место прибытия; в случае отсутствия разрешения купец подлежал судебной ответственности, «как это полагается по нашим законам» (Hanserecesse 1870, № 467). На существование такой практики в период датско-ганзейской войны 1368–1370 годов указывает комплекс задокументированных свидетельств места продажи товара с клятвенным заверением (*juramentum*) со стороны продавца; данные источники находятся ныне в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Бессуднова 2019). Все они содержали разрешения на вывоз товаров из Любека в конкретное место назначения,¹⁶ при этом довольно часто сопровождалась поручительст-

¹⁴ «...si forte ipsi satis facere non vellent, utrum cum ipsis debeant mer cari, et utrum debeant in emendo et vendendo» (Hanserecesse 1870, № 436, § 6). Осенью 1368 года Гамбург все же вступил в конфедерацию по уплате пени в 900 шиллингов (Hanserecesse 1870, № 479, § 15).

¹⁵ «Sia liqui contra statute civitatum fecerint, partes regis Dacie aut partes inimicorum visitando, et si arrepti et capti fuerint, quicumque illos ceperit, pro hostibus tales reputabit» (Hanserecesse 1870, № 436, § 7).

¹⁶ Ссылки на разрешение любекского магистрата на вывоз того или иного товара присутствуют во многих квитанциях: «...который вы разрешили N доставить в наш город» («...quem nuper Nelicenciastis ad nostram civitatem prestavit») (В-28136, В-28137, В-28138, В-

вом с выплатой залога.¹⁷ Обычно выдача разрешений на вывоз товара производилась городскими властями, однако среди томских документов один (В-28129) составлен от имени должностного лица (адвоката) – графа Генриха Голштинского Николая фон Хускера, который гарантировал продажу доставленного из Любека хмеля в голштинском городе Рендесбурге. Единичность случая, думается, не может помешать увидеть в нем пример соучастия союзных Ганзе государей в реализации ее торговых санкций.

В одном из постановлений, принятых в начале войны, предлагалось, чтобы ратманы из Танклема (Анклама), задержавшие купеческие товары из Ростока, Висмара, Грайфсвальда и Киля по собственной инициативе, «придерживались обязательств в отношении указанных городов» (*prodebitis qui bus dictis civitatibus tenentur*) и вернули бы им товары, арестованные не по справедливости (*contrajusticiam*), если не хотят, чтобы их граждане были изгнаны оттуда либо призваны к судебной ответственности (Hanserecesse 1870, № 434, § 2, 3). Этот случай также свидетельствует о значимости директив, исходивших от собраний Кёльнской конфедерации, для всех ее членов и об откровенном желании магистратов контролировать санкции на местном уровне.

Центростремительные тенденции, проявившиеся в ходе ганзейской торговой блокады, представляются рациональными еще и потому, что позволяли ганзейскому руководству, в роли которого на тот

28343, В-28344), «...в ответ на наши просьбы <...> вы дали свое согласие» («...*petitionibus nostris <...> benigne exaudiendo ac quae visti*») (В-28342); «...просим соблаговолить разрешить подателю сего <...> (вывезти) из вашего города...» («*rogamus ex intimis <...> scolvat de civitate vestra dignem inilicenciare...*») (В-28113). Одна из квитанций, выданная в Любеке от имени всех «морских городов» (В-28154), представляет собой подобное разрешение: «Да будет известно всем, кто ознакомится с настоящим, что Иоганн Экхольт, гражданин Любека, имеет разрешение от капитанов и консулов приморских городов плыть в направлении Германии с тремя ластами сельди там, где ему угодно» («*Noverint univers ipresentium inspectores, quod Iohannes Ekholt civis Lubicentis licentiam habet a capitaneis et consulibus civitatum maritimar um navigandi versus Almaniam cum tribus lastis allecumubi cum quesibi competet*»).

¹⁷ Типичной может считаться запись в квитанции из Гамбурга (В-28158): «Алард из Роде и Хеннекин Лутов, наши сограждане, сообщили нам, что купили в вашем городе 4 ластва шведского железа и за свои деньги согласились иметь к нам в будущем прочное уважение (с тем), чтобы вышеупомянутое шведское железо не вывозить в запретные королевства либо еще как-то перемещать, в знак чего от указанных сограждан мы получили надлежащий и достаточный залог» («*Retulerunt nobis Alardus de Rode et Hennekinus Lutow nostril concives, qualiter in vestra civitat eiiij lastas ozemunde emerunt et pro sua pecunia comparaverunt firmum respectum ad noshabituri, quod dictum ozemund ad regna prohibita non deducidebet velquo modo libet deportari, unde a dictis nostris concivibus commodosam et sufficienti maceppimus cautionem*»). См. также: В-28155, В-28157, В-28158, В-28159, В-28163, В-28164, В-28165, В-28166, В-28263, В-28342. В свете этого следует также воспринимать просьбы поскорее освободить поручителей от ответственности, коль скоро товары доставлены на место (В-28111, В-28112, В-28113, В-28124, В-28155, В-28157, В-28158, В-28159, В-28163, В-28164, В-28165).

момент выступали собрания членов Кёльнской конфедерации, гибко реагировать на изменение политической ситуации. После падения Копенгагена, перехода пролива Шонен – важной торговой артерии и центра сельдяного промысла – под контроль шведской Короны и публикации пожалованных ганзейским городам королем Швеции Альбертом привилегий собрание в Любеке, состоявшееся 24 июня 1368 года, оперативно возобновило свободу плаваний в этом районе и продажу норвежцам и датчанам в «морских городах» пива, хлеба и прочих товаров для собственных нужд, оставив под запретом экспорт из ганзейской области стали, железа, хмеля и соли. Торговля с экспортом требовала свидетельств его дружеского расположения к ганзейским городам и заверения в том, что доставленные ими товары не будут перепроданы в других местах (Hanserecesse 1870, № 469, § 22).

Лояльность ганзейцев в отношении санкций диктовалась не только осознанием их необходимости, но также умением находить обходные пути для своих внешнеторговых контактов. В качестве товаров, запрещенных к вывозу в Данию, в документах из ТГУ постоянно фигурируют вывозимые из Любека хмель и железо. Бросается в глаза различие их географических привязок: оптовые поставки хмеля в период действия санкций, как правило, предназначались для небольших городов Голштинии и Дитмаршена, тогда как железо, поступавшее в Любек из Швеции, в большинстве своем шло в Гамбург. При вывозе крупных партий хмеля из Любека в города Голштинии в качестве поставщиков или посредников зачастую фигурировали его граждане; продажа осуществлялась на местах почти всегда группе анонимных покупателей. В их именовании не было необходимости, поскольку ответственность за исполнение запретов и выплату пошлин нес поставщик, и этот порядок облегчал появление в их среде нежелательных персон. Лишь в отдельных случаях от продавца требовалась гарантия, что «никакой чужеземец или пришелец не будет иметь в этих его товарах участие или долю» (В-28156), что указывает на существование подобных прецедентов. Поскольку Любек традиционно поставлял хмель в Данию (Blankenburg 2001, 242), то в условиях действия санкций его массовый вывоз в пограничные голштинские города заставляет думать о канале контрабанды, осуществлявшейся через их жителей, имевших в Любеке устойчивые деловые контакты. Основным мотивом поведения ганзейцев в этой связи могло быть опасение из-за санкций потерять доступ на датский хмелевой рынок, поскольку датчане располагали внутренними ресурсами этого сырья (Blankenburg 2001, 242).

В случае же с вывозом из Любека металлов подавляющее большинство оговорок о его запрете содержится в квитанциях из Гамбурга, куда поступали большие, явно коммерческие, партии сырьевого железа из Швеции (*ozetund*). Любек являлся основным «стапелем», регулировавшим его экспорт в западноевропейские страны

(Lundkvist 1999, 27–38), однако санкции препятствовали ему направлять железо основному потребителю – Дании. Решением проблемы могло стать увеличение его поставок через Нидерланды во Францию и Англию (Kattinger 2000, 237–247). Концентрация шведского железа в Гамбурге, откуда путь вел в Брюгге, косвенно подтверждает такую торговую стратегию. Оба рассмотренные варианта поиска ганзейцами, чьи доходы в условиях действия санкций неизбежно падали, обходных путей демонстрируют появление новых видов торговой кооперации, которая, в свою очередь, предопределяла возникновение ганзейской «мир-экономики».

В заключение следует сказать о принципиальных расхождениях исторической, ганзейской, и современной моделей экономических санкций. Санкции США и Евросоюза преследуют цель ослабить мобилизационные возможности России как потенциального противника, в то время как ганзейские санкции против «враждебных королевств» Дании и Норвегии предполагали наряду с мерами их подавления создание механизма внутриганзейской институционально-правовой и предпринимательской интеграции, который в конечном итоге и обеспечил эффективность политики торговых запретов. Кроме того, нужно отметить два основных ее вектора: первый, направленный сверху вниз, был связан с действиями коллективного руководства Кёльнской конфедерации, наиболее полно отраженными в решениях ее собраний, тогда как второй, исходивший от купеческих масс, действовал в обратном направлении. Они имели разную целевую направленность, поскольку задача собраний Конфедерации в связи с торговыми запретами предусматривала консолидацию усилий ганзейских городов в борьбе с внешним противником, чему немало мешали их административно-правовая обособленность и порядок выработки общих решений по принципу *ad referendum*, тогда как «низовые» инициативы купечества, сугубо прагматические по своему характеру, должны были минимизировать сокращение его доходов в условиях действия санкций. Попытки централизовать порядок функционирования санкций с целью повышения их эффективности и гибкости, с одной стороны, и новые формы торговой кооперации, позволявшие ганзейцам продолжать внешнюю торговлю в обход санкций – с другой, органично дополняли друг друга и содействовали внутреннему укреплению Ганзейского союза. Подобная дихотомия в современной модели слабо представлена, что можно считать еще одной причиной ее малой эффективности.

Библиография

- Бессуднова, М. Б. 2019. Перспективы изучения ганзейских квитанций из Томского государственного университета. *Средние века* 80 (4): 60–82.
- Хорошкевич, А. Л. 1965. Из истории русско-немецких отношений XIII в. *Исторические записки* 78: 219–232.
- Хорошкевич, А. Л. 1996. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. *Новгородский исторический сборник* 6 (16): 128–134.
- Behrmann, Th. 2001. “Über Zeichen, Zeremoniell und Hansebegriff auf hansischen Tagfahrten.” In *Die hansischen Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit*, hg. v. V. Henn. Trier.
- Blankenburg, Ch. 2001. *Die Hanse und ihr Bier. Brauwesen und Bierhandel im hansischen Verkehrsgebiet*. Köln.
- Daenell, E. 1894. *Die Kölner Konföderation vom Jahre 1367 und dieschonischen Pfandschaften. Hansisch-dänische Geschichte 1367–1385*. Leipzig.
- Dollinger, P. 2012. *Die Hanse*. 6. Aufl. Stuttgart.
- Friedland, K. 1991. *Die Hanse*. Stuttgart.
- Fritze, K. 1997. *Seekriege der Hanse: Das erste Kapitel deutscher Seekriegsgeschichte*. Berlin.
- Hammel-Kiesow, R. 2007. “Europäische Union, Globalisierung und Hanse.” *Hansische Geschichtsblätter* 125: 1–44.
- Hanserecesse. Die Recesses und andere Akten der Hansetage*. 1870, hg. v. K. Koppmann. Abt. 1. Bd. 1. Leipzig.
- Harreld, D. J. 2018. *Companion to the Hanseatic League*. Leiden [u.a.].
- Henn, V. 2000. “Kommunikative Beziehungen und binnen hansisches Raumgefüge.” *Städteland schafft Städtenetz zentralörtliches Gefüge*: 117–130.
- Jahnke, C. 2013. “Die Hanse. Überlegungen zur Entwicklung des Hansebegriffes und der Hanseals Institution resp. Organisation.” *Hansische Geschichtsblätter* 131: 1–32.
- Jahnke, C. 2017. “Lübeck and the Hanse: a Queen without its Body.” *The Routledge Handbook of Maritime Trade around Europe 1300-1600*, 231–233. Oxford.
- Kattinger, D. 2000. “Skandinavisch-flandrische Handelsbeziehungen im hohen und späten Mittelalter.” *Hansekaufleute in Brügge. Bd. 4: Beiträge der Internationalen Tagung in Brügge April 1996*, hg. v. N. Jörn [u.a.]. Frankfurt a. Main.
- Lundkvist, S. 1999. *Schweden und die Hanse: Handel und Macht im Ostseeraum, Schweden und Deutschland. Begegnungen und Impulse*. Stockholm.
- Pitz, E. 2001. *Bürgereinung und Städteeinung. Studien zur Verfassungsgeschichte der Hansestädte und der deutschen Hanse*. Köln [u.a.].
- Poeck, D. W. 2000. “Kontorverlegung als Mittelhansischer Diplomatie.” *Hansekaufleute in Brügge. Bd. 4: Beiträge der Internationalen Tagung in Brügge April 1996*, hg. v. N. Jörn [u. a.]. Frankfurt a. Main [u.a.].
- Puhle, M. 2006. “Organisationsmerkmale der Hanse.” *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Bd 1. 6. Aufl. Lübeck.

Selart, A. 2016. "Waffen embargo in den nordlichen Kreuzzügenim 13. Jahrhundert." *Enevruntliketohopesate: Beiträgezur Geschichte Pommerns, des Ostseeraums und der Hanse: Festschrift für Horst Wernicke zum 65. Geburtstag*, hg.v. S. Birli und N. Jörn, 549–558. Hamburg.

Stoob, H. 1995. *Die Hanse*. Graz.

References

Behrmann, Th. 2001. "Über Zeichen, Zeremoniell und Hansebegriff auf hansischenTagfahrten." In *Die hansischen Tagfahrten zwischen Anspruch und Wirklichkeit*, hg. v. V. Henn. Trier.

Bessudnova, M. B. 2019. "Perspektivy izucheniiia ganzeiskikh kvitancii iz Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prospects for the Study of Hanseatic Receipts from Tomsk State University]." *Srednie veka* 80 (4): 60–82. (In Russian)

Blankenburg, Ch. 2001. *Die Hanse und ihr Bier. Brauwesen und Bierhandel im hansischenVerkehrsgebiet*. Köln.

Daenell, E. 1894. *Die Kölner Konföderation vom Jahre 1367 und dieschonischen Pfandschaften. Hansisch-dänische Geschichte 1367–1385*. Leipzig.

Dollinger, P. 2012. *Die Hanse*. 6. Aufl. Stuttgart.

Friedland, K. 1991. *Die Hanse*. Stuttgart.

Fritze, K. 1997. *Seekriege der Hanse: Das erste Kapitel deutscher Seekriegsgeschichte*. Berlin.

Hammel-Kiesow, R. 2007. "Europäische Union, Globalisierung und Hanse." *Hansische Geschichtsblätter* 125: 1–44.

Hanserecesse. Die Recesses und andere Akten der Hansetage. 1870, hg. v. K. Koppmann. Abt. 1. Bd. 1. Leipzig.

Harreld, D. J. 2018. *Companion to the Hanseatic League*. Leiden [u.a.].

Henn, V. 2000. "Kommunikative Beziehungen und binnen hansisches Raumgefüge." *Städteland schaft Städtenetzzenralörtliches Gefüge*: 117–130.

Jahnke, C. 2013. "Die Hanse. Überlegungen zur Entwicklung des Hansebegriffes und der Hanseals Institution resp. Organisation." *Hansische Geschichtsblätter* 131: 1–32.

Jahnke, C. 2017. "Lübeck and the Hanse: a Queen without its Body." *The Routledge Handbook of Maritime Trade around Europe 1300-1600*, 231–233. Oxford.

Kattinger, D. 2000. "Skandinavisch-flandrische Handelsbeziehungenimhohen und späten Mittelalter." *Hansekaufleute in Brügge. Bd. 4: Beiträge der Internationalen Tagung in Brügge April 1996*, hg. v. N. Jörn [u.a.]. Frankfurt a. Main.

Khoroshkevich, A. L. 1965. "Iz istorii rusско-nemetskikh otnoshenii XIII v. [From the History of Russian-German Relations of the Thirteenth Century]." *Istoricheskie zapiski* 78: 219–232. (In Russian)

Khoroshkevich, A. L. 1996. "O proiskhozhdenii teksta drevneishikh novgorodsko-gotlandsko-nemetskikh dogovorov kontsa XII i serediny XIII v. [On the Origin of the Text of the Odess Novgorod-Gotland-German Treaties of the late

- Twentieth and mid-Thirteenth Centuries].” *Novgorodskii istoricheskii sbornik* 6 (16): 128–134. (In Russian)
- Lundkvist, S. 1999. *Schweden und die Hanse: Handel und Macht im Ostseeraum, Schweden und Deutschland. Begegnungen und Impulse*. Stockholm.
- Pitz, E. 2001. *Bürgerreinigung und Städteeinung. Studien zur Verfassungsgeschichte der Hansestädte und der deutschen Hanse*. Köln [u.a.].
- Poeck, D. W. 2000. “Kontorverlegung als Mittelhansischer Diplomatie.” *Hansekaufleute in Brügge. Bd. 4: Beiträge der Internationalen Tagung in Brügge April 1996*, hg. v. N. Jörn [u. a.]. Frankfurt a. Main [u.a.].
- Puhle, M. 2006. “Organisationsmerkmale der Hanse.” *Die Hanse. Lebenswirklichkeit und Mythos*. Bd 1. 6. Aufl. Lübeck.
- Selart, A. 2016. “Waffen embargo in den nordlichen Kreuzzügen im 13. Jahrhundert.” *Enevruntliketohopesate: Beiträge zur Geschichte Pommerns, des Ostseeraums und der Hanse: Festschrift für Horst Wernicke zum 65. Geburtstag*, hg.v. S. Birli und N. Jörn, 549–558. Hamburg.
- Stoob, H. 1995. *Die Hanse*. Graz.

Об авторе

Марина Борисовна Бессуднова – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и международных отношений Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

About the author

Marina Bessudnova, Doctor of Science in History, is Professor in the World History and International Relations Department at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Received March 30, 2020

Accepted May 5, 2020

Published October 12, 2020